
АНТОН
ЧЕХОВ

Большое собрание
пьес
В ОДНОМ ТОМЕ



МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)1-6
Ч-56

Оформление серии *Н. Ярусовой*

В оформлении обложки использованы фрагменты работ художников Александра Леонтовского, Роберта Фредерика Блюма и Николая Чехова (портрет А. П. Чехова, 1884)

Чехов, Антон Павлович.

Ч-56 Большое собрание пьес в одном томе / Антон Чехов. — Москва : Издательство «Эксмо», 2023. — 752 с.

ISBN 978-5-04-173151-9

Новаторские для своего времени пьесы А. П. Чехова сделали его имя бессмертным и в литературе и в истории театра. «Пусть на сцене все будет так же просто и так же вместе с тем сложно, как в жизни: люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни», — говорил Чехов, выводя формулу новой драмы. Драматизм повседневности, скрытый в обыденном течении жизни и стал важнейшим открытием писателя. А в результате сломаны привычные представления о драматическом действии, его завязке, кульминации и развязке, о назначении слова и молчания, жеста и взгляда. Книга представляет наиболее полное собрание пьес писателя.

УДК 821.161.1-2
ББК 84(2Рос=Рус)1-6

ISBN 978-5-04-173151-9

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

1878–1888



БЕЗОТЦОВЩИНА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Анна Петровна Войничева, молодая вдова,
генеральша.

Сергей Павлович Войничев, сын генерала Войничева
от первого брака.

Софья Егоровна, его жена.

ПОМЕЩИКИ, СОСЕДИ ВОЙНИЦЕВЫХ.

Порфирий Семенович Глагольев 1.

Кирилл Порфирьевич Глагольев 2, его сын.

Герасим Кузьмич Петрин.

Павел Петрович Щербук.

Марья Ефимовна Грекова, девушка 20 лет.

Иван Иванович Трилецкий, полковник в отставке.

Николай Иванович, его сын, молодой лекарь.

Абрам Абрамович Венгерович 1, богатый еврей.

Исак Абрамович, его сын, студент.

Тимофей Гордеевич Бугров, купец.

Михаил Васильевич Платонов, сельский учитель.

Александра Ивановна (Саша), его жена, дочь

И. И. Трилецкого.

АНТОН ЧЕХОВ

Осип, малый лет 30, конокрад.

Марко, рассыльный мирового судьи, маленький старичок.

Василий
Яков
Катя

} прислуга Войничевых.

Гости, прислуга.

Действие происходит в имени Войничевых
в одной из южных губерний.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная в доме Войнищевых. Стеклянная дверь в сад и две двери во внутренние покои. Мебель старого и нового фасона, смешанная.

Рояль, возле нее пианино со скрипкою и нотами. Фисгармония.

Картины (олеография) в золоченых рамах.

Я В Л Е Н И Е I

Анна Петровна сидит за роялью, склонив голову к клавишам.

Николай Иванович Трилецкий входит.

Трилецкий *(подходит к Анне Петровне)*. Что?

Анна Петровна *(поднимает голову)*. Ничего... Скучненько...

Трилецкий. Дайте, mon ange¹, покурить! Плоть ужасно курить хочет. С самого утра почему-то еще не курил.

Анна Петровна *(подает ему папиросы)*. Берите больше, чтобы потом не беспокоить.

Закуривают.

Скучно, Николая! Тоска, делать нечего, хандра... Что и делать, не знаю...

¹ мой ангел *(франц.)*.

Трилецкий берет ее за руку.

Анна Петровна. Вы это за пульсом? Я здорова...
Трилецкий. Нет, я не за пульсом... Я чмокнуть...

Целует руку.

В вашу руку целуешь, как в подушечку... Чем это вы можете свои руки, что они у вас такие белые? Чудо руки! Даже еще раз поцелую.

Целует руку.

В шахматы, что ли?

Анна Петровна. Давайте...

Смотрит на часы.

Четверть первого... Небось, наши гости проголодались...
Трилецкий (*приготавливает шахматную доску*). По всей вероятности. Что касается меня, то я страшно голоден.

Анна Петровна. Я о вас и не спрашиваю... Вы всегда голодны, хоть и едите каждую минуту...

Садятся за шахматы.

Ходите вы... Уж и пошел... Надо сперва подумать, а потом уже и идти... Я сюда... Вы всегда голодны...

Трилецкий. Вы так пошли... Тэк-с... Голоден-с... Обедать скоро будем?

Анна Петровна. Не думаю, чтобы скоро... Повар изволил ради нашего приезда нализаться и теперь без ног. Завтракать скоро будем. Серьезно, Николай Иванович, когда вы будете сыты? Ест, ест, ест... без конца ест! Ужас что такое! Какой маленький человек и такой большой желудок!

Трилецкий. О да! Удивительно!

Анна Петровна. Забрался в мою комнату и не спросив съел полпирога! Вы знаете ведь, что это не мой пирог? Свинство, голубчик! Ходите!

Трилецкий. Ничего я не знаю. Знаю только, что он у вас там прокиснет, если я его не съем. Вы так? Можете-с... А я этак... Если я много ем, то я, значит, здоров, а если здоров, то, с вашего позволения... *Mens sana in corpore sano*¹. Зачем думаете? Ходите, милая дамочка, не думая... *(Поет.)* Я хочу вам рассказать, рассказать...

Анна Петровна. Молчите... Вы мешаете мне думать.

Трилецкий. Жаль, что вы, такая умная женщина, ничего не смыслите в гастрономии. Кто не умеет хорошо поесть, тот урод... Нравственный урод!.. Ибо... Позвольте, позвольте! Так не ходят! Ну? Куда же вы? А, ну это другое дело. Ибо вкус занимает в природе таковое же место, как и слух и зрение, то есть входит в число пяти чувств, которые всецело относятся к области, матушка моя, психологии. Психологии!

Анна Петровна. Вы, кажется, острить собираетесь... Не острите, дорогой мой! И надоело, и не к лицу вам... Вы заметили, что я не смеюсь, когда вы острите? Пора, кажется, заметить...

Трилецкий. Ваш ход, *votre excellence!*..² Берегите коня. Не смеетесь, потому что не понимаете... Так-с...

Анна Петровна. Чего глазее? Ваш ход! Как полагаете? Ваша «она» будет сегодня у нас или нет?

Трилецкий. Обещала быть. Дала слово.

Анна Петровна. Пора уж ей быть в таком случае. Первый час... Вы... извините за нескромность вопроса... Вы и с этой «да так» или же серьезно?

Трилецкий. То есть?

¹ Здоровый дух в здоровом теле. *(лат.)*

² ваше превосходительство!.. *(франц.)*

Анна Петровна. Откровенно, Николай Иваныч! Не ради сплетен спрашиваю, по-приятельски... Что Грекова для вас и что вы для нее? Откровенно и без острот, пожалуйста... Ну? Ей-ей, по-приятельски спрашиваю...

Трилецкий. Что она для меня и что я для нее? Пока неизвестно-с...

Анна Петровна. По крайней мере...

Трилецкий. Езжу к ней, болтаю, надоедаю, ввожу ее маменьку в расход по кофейной части и... больше ничего. Ваш ход. Езжу, надо вам сказать, через день, а иногда и каждый день, гуляю по темным аллеям... Я толкую ей про свое, она толкует мне про свое, причем держит меня за эту пуговку и снимает с моего воротника пушок... Я ведь вечно в пуху.

Анна Петровна. Ну?

Трилецкий. Ну и ничего... Что собственно тянет меня к ней, определить трудно. Скука ли то, любовь ли, или что-либо другое прочее, не могу знать... Знаю, что после обеда мне бывает страшно скучно за ней... По случайно наведенным справкам оказывается, что и она скучает за мной...

Анна Петровна. Любовь, значит?

Трилецкий *(пожимает плечами)*. Очень может быть. Как вы думаете, люблю я ее или нет?

Анна Петровна. Вот это мило! Вам же лучше знать...

Трилецкий. Э-э... да вы не понимаете меня!.. Ваш ход!

Анна Петровна. Хожу. Не понимаю, Николя! Женщине трудно понять вас в этом отношении...

Пауза.

Трилецкий. Она хорошая девочка.

Анна Петровна. Мне нравится. Светленькая головка... Только вот что, приятель... Не наделайте-ка вы ей

как-нибудь неприятностей!.. Как-нибудь... За вами этот грех водится... Пошляетесь, пошляетесь, наговорите кучу вздора, наобещаете, разнесете славу и тем и покончите... Мне ее жалко будет... Что она теперь подделывает?..

Т р и л е ц к и й . Читает...

А н н а П е т р о в н а . И химией занимается?

Смеется.

Т р и л е ц к и й . Кажется.

А н н а П е т р о в н а . Славная... Потипше! Вы рукавом свезете! Нравится она мне со своим острым носиком! Из нее мог бы выйти недурной ученый...

Т р и л е ц к и й . Дороги не видит, бедная девочка!

А н н а П е т р о в н а . Вот что, Николая... Попросите Марью Ефимовну, чтобы она поехала ко мне немного... Я с ней познакомлюсь и... Я, впрочем, маклеровать не стану, а так только... Мы ее вместе раскусим и или отпустим с миром, или же примем ее к сведению... Авось...

Пауза.

Я считаю вас малюточкой, ветерком, а потому и вмешиваюсь в ваши дела. Ваш ход. Мой совет таков. Или не трогать ее вовсе, или же жениться на ней... Только жениться, но... не далее! Паче чаяния жениться захотите, извольте подумать сперва... Извольте рассмотреть ее со всех сторон, не поверхностно, подумать, помыслить, порассуждать, чтоб потом не плакать... Слышите?

Т р и л е ц к и й . Как же... Уши развесил.

А н н а П е т р о в н а . Знаю я вас. Всё делаете не думая и женитесь не думая. Вам только палец покажи женщина, так вы уж готовы на всякую всячину. Посоветоваться с близкими людьми должны... Да... На свою глупую голову не надейтесь. *(Стучит*

о стол.) Вот она у вас, ваша голова! *(Свистит.)* Свистит, матушка! Мозгу в ней много, да толку что-то не видно.

Т р и л е ц к и й . Свистит, точно мужик! Удивительная женщина!

Пауза.

Ездить она к вам не станет.

А н н а П е т р о в н а . Почему?

Т р и л е ц к и й . Потому что к вам шляется Платонов... Она терпеть не может его после тех его выходов. Вообразил человек, что она дура, вбил себе это в свою нечесаную голову, и теперь черт его не разубедит! Считает почему-то своею обязанностью надоедать дурам, выделывать над ними разные штуки... Ходите!.. А разве она дура? Понимает же он людей!

А н н а П е т р о в н а . Пустяки. Мы не позволим ему лишнего. Скажите ей, чтоб не боялась. А чего это Платонова так долго нет? Давно уж пора ему быть... *(Смотрит на часы.)* Невежливо с его стороны. Шесть месяцев не видались.

Т р и л е ц к и й . Когда я ехал к вам, в школе ставни были наглухо закрыты. Должно быть, спит еще. Каналья человек! Я его сам давно уж не видел.

А н н а П е т р о в н а . Здоров он?

Т р и л е ц к и й . Он всегда здоров. Жив курилка!

Входят Глагольев 1 и Войницев.

Я В Л Е Н И Е II

Те же, Глагольев 1 и Войницев.

Г л а г о л ь е в 1 *(входя)*. Так-то, милейший Сергей Павлович. В этом отношении мы, заходящие светила, лучше

и счастливее вас, восходящих. И мужчина не был, как видите, в проигрыше, и женщина была в выигрыше.

Садятся.

Сядемте, а то я утомился... Мы любили женщин, как самые лучшие рыцари, веровали в нее, поклонялись ей, потому что видели в ней лучшего человека... А женщина лучший человек, Сергей Павлович!

Анна Петровна. Зачем же мошенничать?

Трилецкий. Кто мошенничает?

Анна Петровна. А кто эту шапку сюда поставил?

Трилецкий. Да вы же сами поставили!

Анна Петровна. Ах да... Pardon...

Трилецкий. То-то что pardon.

Глагольев 1. У нас были и друзья... Дружба в наше время не была так наивна и так ненужна. В наше время были кружки, арзамасы... За друзей у нас, между прочим, было принято в огонь лазить.

Войницев (*зевает*). Славное было время!

Трилецкий. А в наше ужасное время пожарные на то есть, чтоб в огонь лазить за друзьями.

Анна Петровна. Глупо, Николая!

Пауза.

Глагольев 1. В прошлую зиму в Москве на опере я видел, как один молодой человек плакал под влиянием хорошей музыки... Ведь это хорошо?

Войницев. Пожалуй, что и очень даже хорошо.

Глагольев 1. И я так думаю. Но зачем же, скажите вы мне, пожалуйста, глядя на него, улыбались близь сидящие дамочки и кавалеры? Чему они улыбались? И он сам, заметив, что добрые люди видят его слезы, завертелся на кресле,

покраснел, состроил на своем лице скверную улыбочку и потом вышел из театра... В наше время не стыдились хороших слез и не смеялись над ними...

Трилецкий (*Анне Петровне*). Умереть этому медоточивому от меланхолии! Страсть не люблю! Уши режет!

Анна Петровна. Тссс...

Глагольев 1. Мы были счастливее вас. В наше время понимающие музыку не выходили из театра, досиживали оперу до конца... Вы зеваете, Сергей Павлович... Я оседлал вас...

Войницев. Нет... Подводите же итог, Порфирий Семеныч! Пора...

Глагольев 1. Ну-с... И так далее, и так далее... Если теперь подвести итог всему мною сказанному, то и получится, что в наше время были любящие и ненавидящие, а следовательно, и негодующие и презирающие...

Войницев. Прекрасно, а в наше время их нет, что ли?

Глагольев 1. Думаю, что нет.

Войницев встает и идет к окну.

Отсутствие этих-то людей и составляет современную чашотку...

Пауза.

Войницев. Голословно, Порфирий Семеныч!

Анна Петровна. Не могу! От него так несет этими несносными пачулями, что мне даже дурно делается. (*Кашляет.*) Отодвиньтесь немного назад!

Трилецкий (*отодвигается*). Сама проигрывает, а бедные пачули виноваты. Удивительная женщина!

Войницев. Грешно, Порфирий Семенович, бросать в лицо обвинение, основанное на одних только догадках и пристрастии к минувшей молодости!..

Глагольев 1. Может быть, я и ошибаюсь.

Войницев. Может быть... В данном случае не должно иметь места это «может быть»... Обвинение не шуточное!

Глагольев 1 (*смеется*). Но... вы сердиться, милый мой, начинаете... Гм... Одно уж это доказывает, что вы не рыцарь, что вы не умеете относиться с должным уважением к взглядам противника.

Войницев. Одно уж это доказывает, что я умею возмущаться.

Глагольев 1. Я не всех, разумеется, поголовно... Есть и исключения, Сергей Павлович!

Войницев. Разумеется... (*Кланяется.*) Покорнейше вас благодарю за уступочку! Вся прелесть ваших приемов заключается в этих уступках. Ну а что если бы наскочил на вас человек неопытный, вас не знающий, верующий в ваше знание? Ведь вам удалось бы убедить его, что мы, то есть я, Николай Иваныч, татап и вообще всё более или менее молодое, не умеем негодовать и презирать...

Глагольев 1. Но... вы уж... Я не говорил...

Анна Петровна. Я хочу Порфирия Семеновича слушать. Давайте бросим! Довольно.

Трилецкий. Нет, нет... Играйте и слушайте!

Анна Петровна. Довольно. (*Встает.*) Надоело. После доиграем.

Трилецкий. Когда проигрываю, она сидит, как приклеенная, а как только начну выигрывать, у нее является желание слушать Порфирия Семеновича! (*Глагольеву.*) И кто вас просит говорить? Мешаете только! (*Анне Петровне.*) Извольте сесть и продолжать, в противном же случае я буду считать вас проигравшей!

Анна Петровна. Считайте! (*Садится против Глагольева.*)

Я В Л Е Н И Е П П

Те же и Венгерович 1.

Венгерович 1 (*входит*). Жарко! Эта жара напоминает мне, жиду, Палестину. (*Садится у рояли и перебирает клавиши.*) Там, говорят, очень жарко!

Трилецкий (*встает*). Так и запишем. (*Вынимает из кармана записную книжку.*) Так и запишем-с, добрая женщина! (*Записывает.*) За генеральшей... за генеральшей три рубля... Итого с прежними — десять. Эге! Когда я буду иметь честь получить с вас эту сумму?

Глагольев 1. Эх, господа, господа! Не видали вы прошлого! Другое бы запели... Поняли бы... (*Вздыхает.*) Не понять вам!

Войницев. Литература и история имеет, кажется, более прав на нашу веру... Мы не видели, Порфирий Семеныч, прошлого, но чувствуем его. Оно у нас очень часто вот тут чувствуется... (*Бьет себя по затылку.*) Вот вы так не видите и не почувствуете настоящего.

Трилецкий. Прикажете считать за вами, *vous* excellence, или сейчас заплатите?

Анна Петровна. Перестаньте! Вы не даете слушать!

Трилецкий. Да зачем вы их слушаете? Они до вечера будут говорить!

Анна Петровна. Сержень, дай этому юродивому десять рублей!

Войницев. Десять? (*Вынимает бумажник.*) Давайте-ка, Порфирий Семенович, переменим разговор...

Глагольев 1. Давайте, если он вам не нравится.

Войницев. Люблю вас слушать, но не люблю слушать то, что отзывается клеветой... (*Подает Трилецкому десять рублей.*)

Трилецкий. Мерсі (*Бьет по плечу Венгеровича.*) Вот как нужно жить на этом свете! Посадила беззащитную женщину

за шахматы да и обчистил ее без зазрения совести на десять целкачей. Каково? Похвально?

Венгерович 1. Похвально. Вы, доктор, настоящий иерусалимский дворянин!

Анна Петровна. Перестаньте же, Трилецкий! (*Глагольеву.*) Так женщина лучший человек, Порфирий Семенович?

Глагольев 1. Лучший.

Анна Петровна. Гм... По-видимому, вы большой женолюбец, Порфирий Семенович!

Глагольев 1. Да, я люблю женщин. Я им поклоняюсь, Анна Петровна. Я вижу в них отчасти всё то, что я люблю: и сердце, и...

Анна Петровна. Вы им поклоняетесь... Ну а стоят они ваших поклонов?

Глагольев 1. Стоят.

Анна Петровна. Вы убеждены в этом? Сильно убеждены или только заставляете себя так думать?

Трилецкий берет скрипку и водит по ней смычком.

Глагольев 1. Сильно убежден. Достаточно знать мне одну только вас, чтобы быть убежденным в этом...

Анна Петровна. Серьезно? В вас какая-то особенная закваска.

Войницев. Он романтик.

Глагольев 1. Может быть... Что ж? Романтизм вещь не безусловно дурная. Вы изгнали романтизм... Хорошо сделали, но боюсь, что вы изгнали вместе с ним что-то другое...

Анна Петровна. Не сводите, друг мой, на полемику. Не умею спорить. Изгнали или не изгнали, но во всяком случае умней стали, слава богу! Ведь умней, Порфирий Семенович? А это главное... (*Смеется.*) Были бы умные люди, да умнели бы, а остальное само собой приложится... Ах! Не рипите, Николай Иваныч! Положите скрипку!

Трилецкий (*вешает скрипку*). Хороший инструмент.

Глагольев 1. Удачно однажды выразился Платонов... Мы, сказал он, поумнели по части женщин, а поумнеть по части женщин значит втоптать самого себя и женщину в грязь...

Трилецкий (*хохочет*). Должно быть, именинником был... Хватил лишнее...

Анна Петровна. Это он сказал? (*Смеется.*) Да, он любит иногда отпустить такие изречения... Но да ведь он для красного словца... Кстати, к слову пришлось... Кто такой, что за человек, на ваш взгляд, этот Платонов? Герой или не герой?

Глагольев 1. Как вам сказать? Платонов, по-моему, есть лучший выразитель современной неопределенности... Это герой лучшего, еще, к сожалению, ненаписанного, современного романа... (*Смеется.*) Под неопределенностью я разумею современное состояние нашего общества: русский беллетрист чувствует эту неопределенность. Он стал в тупик, теряется, не знает, на чем остановиться, не понимает... Трудно понять ведь этих господ! (*Указывает на Войничева.*) Романы донельзя плохи, натянуты, мелочны... и немудрено! Всё крайне неопределенно, непонятно... Всё смешалось до крайности, перепуталось... Вот этой-то неопределенности, по моему мнению, и является выразителем наш умнейший Платонов. Он здоров?

Анна Петровна. Говорят, что здоров.

Пауза.

Славный человек...

Глагольев 1. Да... Его грешно не уважать. Я зимой несколько раз заезжал к нему и никогда не забуду тех немногих часов, которые мне посчастливилось провести с ним.

Анна Петровна (*смотрит на часы*). Пора уже ему быть. Сергей, ты посылай за ним?